

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Научная статья
УДК 376.5+159.99

Нападения обучающихся на образовательные организации: факторы, маркеры риска и профилактическая работа

Светлана Витальевна Книжникова, кандидат педагогических наук, доцент

Кубанский государственный университет
Краснодар (350040, ул. Ставропольская, д. 149), Российская Федерация
osvita2003@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7627-1526>

Аннотация:

Введение. Исследование представляет собой систематизацию научных сведений о факторах, стадиях формирования гомицидной готовности, о персональных маркерах риска совершения нападения обучающегося на образовательное учреждение.

Методы. Исследование представляет собой систематический обзор научных статей о скулшутинге, опубликованных за последние 11 лет (2015–2025 гг.) в российских рецензируемых журналах. Обзор осуществлен с учетом рекомендаций PRISMA (Preferred reporting items for systematic reviews and meta-analyses). В итоговый перечень для обзора отобраны 170 статей.

Результаты. Проанализирована терминология проблемного поля («массовые убийства», «скулшутинг», «вооруженные нападения на образовательные организации»; «амок») и подходы к изучению феномена. Факторы совершения нападений дифференцированы на средовые и персональные. Средовые факторы представлены факторами физической среды и факторами социальной среды. Персональные факторы представлены соматическими и психолого-педагогическими факторами. Описана поэтапная динамика формирования гомицидной готовности у обучающегося и реализации нападения. Обозначена сопряженность амока и суицидальных интенций в поведении агрессора. Охарактеризовано провоцирующее воздействие медийно-информационной среды на формирование гомицидной готовности у обучающихся. Определены меры в рамках первичной, вторичной и третичной профилактики нападений на образовательные учреждения.

Ключевые слова:

скулшутинг, шутинг, «колумбайн», амок, массовые убийства, нападения на образовательные организации

Для цитирования:

Книжникова С. В. Нападения обучающихся на образовательные организации: факторы, маркеры риска и профилактическая работа // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 220–235.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025;
одобрена после рецензирования 16.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Students' attacks against educational institutions: factors, risk markers, and preventive measures

Svetlana V. Knizhnikova, Cand. Sci. (Ped.), Docent

Kuban State University
149, Stavropol'skaya str., Krasnodar, 350040, Russian Federation
osvita2003@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7627-1526>

Abstract:

Introduction. The research provides a systematic overview of scientific data on the factors and stages of homicidal readiness, as well as personal risk markers predicting a student's attack against an educational institution.

Methods. The research provides a systematic review of scientific articles on school shooting published over the past 11 years (2015–2025) in Russian peer-reviewed scientific editions. The review was conducted in accordance with the PRISMA (Preferred reporting items for systematic reviews and meta-analyses) guidelines. Ultimately, 170 articles were included in the final list for review.

Results. The terminology of the problem area ("mass murders", "school shootings", "armed attacks against educational institutions", "amok") and approaches to studying the phenomenon were analysed. The factors leading to attacks were differentiated into environmental and personal factors. Environmental factors are represented by physical environment factors and social environment factors. Personal factors are expressed by somatic and psychological-pedagogical factors. The step-by-step dynamics of the formation of homicidal readiness in a student and the realisation of an attack are described. The correlation between amok and suicidal intentions in the behaviour of an aggressor is identified. The provocative influence of the media and information environment on the formation of homicidal tendencies among students is characterised. Measures for the primary, secondary and tertiary prevention of attacks against educational institutions are specified.

Keywords:

school shooting, shooting, Columbine, amok, mass murder, attacks against educational institutions

For citation:

Knizhnikova S. V. Students' attacks against educational institutions: factors, risk markers, and preventive measures // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 220–235.

The article was submitted September 25, 2025; approved after reviewing December 16, 2025; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Серьезную тревогу вызывают участвовавшие вооруженные нападения и яростные атаки на людей в местах общественного скопления. Закономерно, что наибольший социальный резонанс неизменно вызывают так называемые «колумбайн-акты», «скулшутинг», когда атака ведется на обучающихся и сотрудников образовательных организаций.

Обеспокоенность выражают не только правоохранительные структуры. Трагичность и масштабный ущерб от таких атак провоцирует страхи среди родительских и педагогических сообществ; опасения стали выказывать уже сами обучающиеся – школьники и студенты.

При рассмотрении проблемы важен анализ накопленных теоретических и эмпирических данных, необходима терминологическая работа, значимо глубокое осмысление предложений ученых и практиков по профилактике нападений и минимизации ущерба от них, востребован мониторинг представлений общественности о феномене.

Методы

Исследование представляет собой систематический обзор тематических научных статей, осуществленный с учетом рекомендаций PRISMA¹ (Preferred reporting items for systematic reviews and meta-analyses). Обзор осуществлен в отношении научных изысканий, результаты которых опубликованы за последние 11 лет (2015–2025 гг.) в рецензируемых научных журналах. В представленном обзоре систематизированы научные сведения о факторах, стадиях формирования гомицидной готовности, о персональных маркерах риска совершения нападения обучающегося на образовательное учреждение.

¹ PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic reviews and Meta-Analyses) : [website]. URL: <https://www.prisma-statement.org/> (дата обращения: 10.06.2025).

Критериями отбора выступали:

- наличие представительных сведений о факторах, динамике, персональных маркерах гомицидной готовности и планирования нападения;
- наличие аналитического освещения превентивных подходов и моделей, содержательных рекомендаций по реализации эффективной профилактики нападений на образовательные организации;
- высокая степень авторской оригинальности.

Этапы отбора публикаций:

- поиск в базе данных eLibrary.ru с помощью ключевых слов: шутинг, скулшутинг, амок, массовые убийства, нападения на образовательные организации / учреждения (массив составили 1 052 публикации);
- исключение статей-дубликатов (первично для обзора отобраны 927 публикаций);
- исключение публикаций, не прошедших скрининг по содержанию аннотации (оставлены для обзора 685 статей);
- исключение всех неполнотекстовых статей и статей с нулевым цитированием (за период 2015–2020 гг.); публикации с нулевым цитированием за период 2021–2025 гг. оставлены в перечне для обзора (отобраны для обзора 312 статей);
- исключение публикаций, не соответствующих вышеуказанным критериям (в итоговый перечень отобраны 170 статей).

Результаты

Изучение источников дало представление об используемой терминологии, о подходах к изучению феномена, о факторах, динамике и персональных маркерах риска.

1. Терминология проблемного поля и подходы к изучению феномена

Следует заметить, что в научной литературе циркулирует множество терминов, так или иначе связанных с нападениями в общественных местах. Авторы используют слова «колумбайн», «шутинг», «скулшутинг», «яростное нападение», «атака», «безмотивный теракт». Эти слова прочно вошли в обиход, но, заметим, что они отражают лишь аспекты явления. Так, слово «колумбайн» стало нарицательным после печально известного нападения на школу «Колумбайн» и означает уже не только факты атаки на школу, но и деструктивную субкультуру с оправданием и даже восхвалением агрессоров. Слово «шутинг» предполагает нападение с использованием огнестрельного оружия, а агрессоров называют «стрелками». А если нападение с использованием огнестрельного оружия осуществляется в стенах учебного заведения, то часто используют слово «скулшутинг».

Однако очевидно, что эти термины не характеризуют явление в целом – например, атака может осуществляться без использования огнестрельного оружия (нападение с помощью колюще-режущих предметов, использование ядов, целенаправленные наезды транспортом и т. д.). Не совсем точным является и выражение «безмотивные атаки», т. к. они являются безмотивными лишь на первый взгляд, а при детальном разбирательстве у преступника выявляются вполне конкретные мотивы или даже их плеяда.

По отношению к атакам на образовательные организации наиболее используемыми являются термины: «массовое убийство» в образовательной организации (учреждении), «скулшутинг», «вооруженные нападения на образовательные организации / учреждения», «амок».

В целом используемые термины в большинстве совпадают с теми, что используются в зарубежной научной литературе: “mass killings”, “mass murders”, “mass murder attacks” [13–15], “school shootings”, “school rampage shootings” [16–18], “amok” [19], “amoklauf” [20].

Как видно из таблицы 1, термины описывают явление либо как совокупность фактических поступков (как систему действий и мотивов, как криминальный феномен, как преступление), либо как резонансное событие, либо как психическое состояние агрессора, которое предопределяет его поведение.

Все ракурсы очень значимы, в них часто отражаются криминологический, психиатрический, социологический, психолого-педагогический подходы к явлению [21]. Психиатры, психологи и педагоги, характеризуют состояние психики и сознания нападающего, часто обращаются к термину «амок». Правоведы, криминологи, социологи фиксируют, описывают само деяние и его последствия, пользуясь терминами «вооруженные нападения», «массовое убийство». При необходимости подчеркнуть использование агрессором огнестрельного оружия применяют термин «шутинг», а если нападение с огнестрельным оружием совершается в стенах или на территории образовательного учреждения – «скулшутинг».

Таблица 1

Научная терминология проблемного поля

Table 1

Scientific terminology of the problem area

Термин	Признаки явления
Массовые убийства [1–4]	1) убийство двух и более лиц (покушение на него) общеопасным способом; 2) совершается по личным мотивам; 3) совершается в течение короткого временного отрезка условно в одном месте и является единым событием
Скулшутинг [5; 6]	1) событие в образовательном учреждении; 2) нападение с применением огнестрельного оружия; 3) цель – причинить смерть или тяжкий вред здоровью; итог – убийство или покушение на убийство; 4) ориентация на причинение ущерба конкретным людям (“hit list” – спланированный список жертв, конкретно-персонализированная атака) или беспорядочная стрельба (“rampage school shooting”, хаотичная атака); 5) сопряжено с опасностью для неограниченного круга лиц; 6) отсутствие террористических и корыстных мотивов, частый мотив – месть мнимым или реальным обидчикам; 7) наличие связи агрессора с образовательной организацией
Вооруженные нападения на образовательные организации [7–10]	1) заранее запланированное действие; 2) высокий уровень агрессии у нападающего; 3) нападение на территории образовательного учреждения; 4) цель – причинить смерть или тяжкий вред здоровью; итог – убийство или покушение на убийство; 5) отсутствие террористических и корыстных мотивов, наиболее частые мотивы – мотив мести, мотив ложной справедливости
Амок [11; 12]	1) специфическое психическое состояние с переживанием острой ненависти, детерминирующее нападение, атаку на окружающих; 2) имеет варианты, сходные с разновидностями аффекта, дезорганизирующего психику и поведение: патологический и физиологический (мгновенный акт агрессии после острой фрустрирующей ситуации или, наоборот, отсроченный, «кумулятивный» с разработанным планом атаки)

Однако терминологический разнобой осложняет междисциплинарное взаимодействие, не позволяет концентрироваться на существенных характеристиках явления, что затрудняет раннюю диагностику рисков и профилактику трагедий. Кроме того, рассогласованность понимания и учета ключевых признаков является базовой причиной разрозненности в статистическом учете таких явлений.

2. Причины и маркеры риска

Реальная профилактическая работа показывает – обойтись простым перечнем причин и проявлений риска любого девиантного поведения, достаточно трудно. Ранняя диагностика и организация превентивных мероприятий всегда требует систематизации причин девиантности в целях определения более крупных направлений выявления и, соответственно, предупреждения девиантности обучающихся, в т. ч. и яростных атак на образовательные учреждения.

К сожалению, большая часть научных данных о причинах (о факторах феномена, об условиях формирования у человека представлений о допустимости нападения) представлена именно простыми перечнями либо текстами, характеризующими лишь некоторые предикторы.

Считаем необходимым предложить классификацию, включающую две крупные группы факторов:

- средовые факторы, т. е. те, которые связаны с внешним окружением индивида – потенциального агрессора;
- персональные факторы, т. е. те, которые связаны с соматикой и психикой индивида – потенциального агрессора.

Каждая из групп, в свою очередь, подразделяется на две категории. Средовые факторы представлены факторами физической среды (макрофизические факторы, геофизические особенности, климатические условия, погода и т. п.) и факторами социальной среды (особенности социальных институтов, социализирующих обстоятельств). Персональные факторы представлены соматическими (т. е. «телесными» – анатомо-физиологическими особенностями, спецификой функционирования центральной нервной системы и нейрогуморального регулирования, патологиями здоровья и т.д.) и психолого-педагогическими (т. е. особенностями психики и сознания, ценностно-смысловой регуляции, мотивации, самоконтроля, наличием определенных знаний, убеждений и умений, особенностями мировоззрения и т. д.).

Понятно, что в каждой группе есть подгруппа факторов, которая сложно поддается превентивному воздействию (по крайней мере, со стороны патерналистских, «защитных» сил общества). Действительно, очень трудно представить нейтрализацию или хотя бы минимизацию макрофизических факторов. Сложным и непредсказуемым является серьезное вмешательство в соматику человека, поэтому некоторые специалисты в области девиантологии считают, что факторы физической среды и соматические факторы надо принимать во внимание, но наибольшие превентивные и корректирующие влияния следует направлять на социально-средовые и персональные психолого-педагогические факторы.

Проведя анализ многочисленных научных текстов и эмпирических данных о нападениях на образовательные учреждения, о массовых убийствах на их территории, можно составить вполне «рабочую» классификацию средовых и персональных факторов.

Минимальный объем описания отведем факторам физической среды по ранее указанной причине – на эти условия существования конкретного индивида сложно влиять, их можно лишь учитывать: исследователи указывают на корреляцию нападений с фазами лунного цикла [22], на геофизическую детерминированность преступности [23]: давно установлена связь некомфортных погодных условий и повышения агрессивности.

Гораздо большее внимание следует уделить социально-средовым факторам. Эти факторы отражают нарушение функционирования таких социальных институтов, как институт права, институт морали, институт семьи, институт образования, институт культуры. Следовательно, они вполне могут поддаваться превентивному воздействию. В качестве самых значимых и достаточно универсальных факторов нападений, массовых убийств следует назвать:

- социальную эксклюзию, т. е. исключенность индивида из референтных, значимых для него социальных групп (вплоть до социального клеймения, остракизма, травли и т. п.);
- низкий уровень безопасности и социально-психологического комфорта в местах и учреждениях, обязательных к присутствию индивида (образовательные учреждения, трудовые коллективы);
- сниженные возможности получения помощи и поддержки от окружающих (у несовершеннолетних – от родных, от референтных сверстников и педагогов, от значимых взрослых);
- недостаточные возможности для конструктивной самореализации в социуме;
- социализацию в условиях семейного неблагополучия;
- хроническую социальную неуспешность, наслоение трудных жизненных ситуаций и микро-социальных конфликтов;
- резкое снижение прежнего высокого социального статуса, позор;
- легкий доступ к средствам нанесения ущерба (к огнестрельному оружию, к опасным колюще-режущим предметам, к ядам, к инструкциям по изготовлению взрывчатки и др.);
- романтизацию, эстетизацию, натуралистичность изображаемого насилия в медийно-информационном пространстве через популярный контент;
- трансгрессию в социокультурной эпохе постмодернизма («растворение» границ между социокультурной нормой и патологией, изменение границы между «допустимым» и «недопустимым», осмеяние и сарказм в отношении традиционных ценностей);
- активность внешних деструктивных сил [24], заинтересованных в ослаблении, дестабилизации какого-либо социума, осуществляющих поиск, вербовку и подготовку к нападениям среди уязвимых, обиженных, разочарованных, неассертивных индивидов (т. н. «биодронов»).

Перейдем к рассмотрению персональных факторов. Соматические факторы, безусловно важны, но сложны для коррекционного вмешательства. В числе значимых следует указать:

- наличие соматических стигм, вызывающих отчуждение от социального окружения (дефекты внешности, уродства, «отталкивающие» болезни);
- неврологические проблемы, психические болезни и тяжелые психические расстройства, осложняющие эмоциональный и волевой самоконтроль;
- особенности нейрогуморального регулирования (гипотетически большая роль принадлежит синтезу и действию норадреналина).

Относительно персональных факторов наиболее перспективными видятся выявление и воздействие на *психолого-педагогические факторы*. К ним относятся:

- субъективное ощущение одиночества (т. е. индивид может быть окружен большим количеством людей, но при этом субъективно ощущает себя одиноким, отвергнутым, ненужным);
- ощущение непреодолимой, безысходной несправедливости;
- переживание острой ненависти к реальным или мнимым обидчикам, сконцентрированность на обидах, сформированность мотивов мести и наказания;
- оправдывающие, разрешающие установки по отношению к насилию, искаженные представления о социальных нормах;
- низкая самооценка и субдепрессивное состояние, которые затем компенсаторно сменяются нарциссизмом, самовозвеличиванием;
- накопление психоэмоционального напряжения из-за рассогласованности личных притязаний и недостаточных ресурсов для их удовлетворения (кумулятивное фрустрированное состояние), из-за повышенной требовательности к окружающим;
- дефекты воспитания, не позволившие сформировать у индивида навыки эмоционально-волевого контроля над поведением.

Рассмотрение вышеперечисленных факторов позволяет определить у *индивида ранние маркеры риска, которые вполне поддаются фиксации* [25–27] (через наблюдение со стороны родителей и педагогов, тестирование, выявление в индивидуальных беседах, через опросы окружающих, через анализ цифрового профиля и т. д.):

- статус «замкнутого одиночки», изгоя;
- переживание обиды и ненависти;
- переход от депрессивных проявлений к самовозвеличиванию, высокомерию;
- сверхценность идей возмездия, мести, наказания, гомицидных идей;
- ненавистнические суждения в высказываниях, в публикуемом контенте;
- искаженное понимание славы, героизма, мужественности, справедливости;
- интерес к оружию, к средствам нанесения ущерба;
- увлечение тематикой смерти, убийств, восхищение (коллекционирование) историями нападений в общественных местах;
- предпочтение медиаконтента со сценами, сюжетами насилия и смерти;
- наличие эпизодов с поведенческими приступами ярости (аффективные вспышки при фрустрации);
- нарушения эмоционально-волевой сферы, осложняющие самоконтроль над поведением.

3. Динамика явления

Рассматриваемое явление не ограничивается самим фактом нападения, массового убийства или их планированием. Явление имеет специфичные стадии формирования.

На первой стадии под воздействием комплекса средовых и персональных факторов на фоне низкой самооценки, субъективного ощущения одиночества, несправедливости происходит накопление отрицательных эмоций (депрессивные признаки, переживание обиды, ненависти, разочарования и безысходности). На этом этапе уже поддаются фиксации указанные ранние маркеры и при достаточных усилиях можно установить основные факторы.

На второй стадии наблюдается дереализация (неадекватное восприятие себя, окружающих, социальной ситуации), компенсаторное самовозвеличивание (наделение себя мессианским статусом, восприятие себя как «орудия возмездия и справедливости» или «очистителя общества»). Часто на этой стадии исследователи фиксируют возникновение триггера, т. е. ситуации, обстоятельства «запуска» подготовки к нападению, перехода от ненавистнических мыслей к планированию атаки. Так, одним из доказанных триггеров может стать некорректное освещение в медийно-информационном пространстве других нападений. Можно сказать, что лишь на этом этапе доступ к средствам нанесения ущерба становится значимым. На первой стадии нельзя считать полноценным фактором (детерминантой) как медийный резонанс, так и общедоступность огнестрельного оружия или ядовитых веществ, информированность о способах тарана транспортом и изготовления взрывных устройств и т. д. На второй стадии окружающим передаются послы: делаются прямые высказывания о желании расправы, анонсы нападений, тиражируется информация о ранее совершенных резонансных массовых убийствах. Эта стадия предполагает планирование. План часто бывает простым, незамысловатым, но от этого не менее трагичным по последствиям. План «ритуализируется», приурочивается к каким-то значимым для агрессора событиям или местам, действия агрессора символизируются, окружающие замечают в нем некую театрализованность поведения.

Третья стадия представляет собой амок – непосредственный агрессивный акт на фоне сильнейшего эмоционального возбуждения. Он представлен комбинацией из вида аффекта (патологический или физиологический), способа, средств расправы, нанесения ущерба, результатов нападения, выбора жертв (хаотичный или целенаправленный). Эта комбинация и порождает разнообразие используемых терминов при описании события: шутинг, скулшутинг, колумбайн-акт, атака с помощью транспорта, массовое убийство («корпоративное», «стихийное, некорпоративное», «семейное», «смешанное» [28]), вооруженное нападение в общественном месте и др.

Четвертая стадия обусловлена эмоциональной разрядкой и опустошенностью вследствие случившихся энергетических затрат у агрессора. Обессиленность может сочетаться с полной или частичной амнезией, очень часто наблюдается суицидальное поведение («постгомицидный суицид»).

4. Сопряженность амока и суицидальных интенций в поведении агрессора

Суицидальное поведение у нападающего после яростной агрессивной атаки – распространённое следствие, которое требует отдельного освещения. Исследователи считают этот факт одной из особенностей данных преступлений [29] и используют термины: «гомицидно-суицидный характер нападений», «постгомицидное самоубийство» [30; 31], отмечая, что такая сопряженность обнаружена более чем у 90 % нападавших. Взаимосвязь эта регулярно рассматривается в статьях отечественного журнала «Суицидология», что говорит о полном признании этого факта профессиональными суицидологами. Более того, «суицидальное желание» называют «атрибутом поведения массового убийцы» [32]. Зарубежные ученые также фиксируют сопряженность феноменов [33] (например, прочно вошел в обиход термин “Murder-suicides” [34]).

Завершение акта нападения суицидом или суицидальной попыткой было зафиксировано и этнографами, изучающими распространённый этноспецифический феномен амока у малайзийцев (откуда и пришел термин в психиатрию для обозначения состояния неконтролируемой ярости с нападением на окружающих) [35]. Анализ научных источников демонстрирует совпадение точек зрения отечественных и иностранных исследователей (из разных отраслей науки) на коннективность амока и суицидального поведения.

Достаточно сложным (по понятным причинам) является определение конкретного времени возникновения суицидальных интенций у агрессора. Вероятнее всего, уже на стадии планирования агрессор отчетливо осознает риск собственной смерти (в результате самозащиты жертв или уничтожения правоохранителями), прогнозирует ее. На стадии эмоциональной разрядки после нападения также вполне вероятно возникают суицидальные мысли и реализуется суицидальный поступок при осознании содеянного, при раскаянии.

На наш взгляд, параллели можно уже найти и на первой стадии – суицидологи знакомы с такой характеристикой суицидентов, как «когнитивный туннель», т. е. переживания трудной жизненной ситуации в одностороннем ракурсе ее безысходности, невозможности преодоления. Такое же точно «зашоренное сознание» наблюдалось и у лиц, совершивших нападения – они постепенно укрепляли свое убеждение, что нападение является единственным выходом из не устраивающих их жизненных обстоятельств.

Еще суицидологи обнаруживают у лиц с истинным суицидальным поведением яркий маркер т. н. «негативной когнитивной триады», свидетельствующий о высоком риске надвигающегося суицида: негативное оценивание себя, негативное оценивание окружающих, негативное оценивание будущего. Нападавшие, массовые убийцы демонстрировали такую же негативную триаду убеждений на первой стадии, а вот на второй стадии у потенциального агрессора негативное оценивание себя трансформируется в самовозвеличивание, нарциссизм.

Также прослеживается сходство явлений из-за их подверженности «заражению», провоцированию, т. е. подражательных повторов после широкого освещения в медиа как суицидов, так и яростных нападений.

5. Влияние медийно-информационной среды на всплески нападений

Еще в конце прошлого века ученые обратили внимание на эффект индуцированных нападений (подражательных повторов) после выхода в свет романа С. Кинга «Ярость». Этот эффект удивительным образом схож с известным суицидологам «эффектом Вертера», понятие которого возникло в связи со всплеском подражательных суицидов после выхода в свет романа И.-В. Гёте «Страдания юного Вертера».

Сегодня очевидно, что медиапродукты, медийно-информационная среда могут быть существенным фактором как прироста суицидальной активности населения, так и совершения нападений. Подражательные нападения отмечались после широко освещаемой газетами

и телевидением атаки на школу Колумбайн, что привнесло в научный лексикон словосочетание «колумбайн-эффект». Современные исследователи продолжают отмечать причинно-следственную связь между медиасообщениями, популярными медиапродуктами с тематикой нападений и приростом реальных нападений в тех сообществах, где транслируется такой медиаконтент [36–38]. Отечественные научные данные во многом совпадают с результатами зарубежных исследователей [39–42].

Следует признать, что наибольшее воздействие медиаконтент оказывает на подрастающее поколение. Именно оно ярче других групп населения проявляет социально-психологические феномены имитационного поведения, идентификации с кумирами, подражания, заражения, подверженности моде. Это связано с такими возрастными психологическими особенностями, как: разбалансированность механизмов идентификации–обособления, повышенная значимость взаимоотношений со сверстниками, нестабильность самооценки и эмоционально-волевой сферы личности, неустоявшиеся представления о ценностях, жизненных смыслах, максимализм. Поэтому многие скулшутеры своей биографией демонстрировали увлечение деструктивным контентом с тематикой насилия и компьютерными играми-шутерами, коллекционировали и распространяли медиаконтент с соответствующими идеями, сюжетами.

Как известно, медианасилие:

1) может вызвать моментальные суггесто-подражательные последствия (стать триггером для лиц со сложившимся комплексом факторов совершения атаки);

2) может ослаблять или затруднять формирование внутренних запретов на насилие (что говорит о возможных отложенных деструктивных реакциях на трудные жизненные ситуации);

3) может активизировать, растормаживать имеющиеся психические патологии.

Доминирующую роль медиасреда сыграла и в популяризации антисоциальной колумбайн-субкультуры. Особый риск связан с интернет-пространством, где затруднен полноценный социальный контроль за контентом [43]. Конечно же, государственные усилия по блокированию, запрету, возрастному маркированию деструктивного контента важны, но недостаточны. По всей видимости, необходима разработка документа для изготовителей медиаконтента о нападениях, массовых убийствах, аналогичного Рекомендациям по распространению в СМИ информации о случаях самоубийства. Как и в случае с новостным освещением суицидов (а также изготовлением других медиапродуктов – фильмов, мультфильмов, песен, видеоклипов, игр и т. д.) следует избегать оправдания, романизации, героизации и эстетизации поведения агрессоров, скулшутеров [44].

Важной видится и активизация работы, связанной с изучением цифровых профилей подростков и молодежи в социальных сетях и мессенджерах для выявления маркеров риска.

Обсуждение

Представленная в научных источниках информация важна для определения уровней и разновидностей профилактики нападений на образовательные организации. Сведения о факторах, стадиях явления (формирования гомицидной готовности у обучающихся и совершения ими нападений) позволяет воспользоваться традиционной градацией уровней профилактики: первичная, вторичная и третичная профилактика.

Первичная профилактика включает выявление сопряженности в жизни обучающегося нескольких групп факторов, ослабленности у него барьеров девиантного поведения. По сути, первичная профилактика состоит в обнаружении и работе с лицами, находящимися на первой стадии. Первичная профилактика – прерогатива семьи и образовательной организации.

Вторичная профилактика представляет собой выявление и работу с обучающимися, находящимися на второй стадии, т. е. с теми, кто демонстрирует маркеры явного риска нападения. Анализ научных источников показывает, что подавляющая часть зарекомендовавших себя отечественных [45–49] и зарубежных профилактических разработок, программ и моделей относится к уровню вторичной профилактики (в частности, модель «ПОЛПОТ» [50], SAVRY [51–53]; CSTAG и MFTA² [54]; The Four-Pronged Assessment Model [55]; NETWASS [56], Behavioral Threat Assessment and Management³ и др.). При сравнении разработок видно, что их основой

² Viñas-Racionero R. A Multifactorial Model of Threat Assessment Activity Applied to Educational Settings. Theses, Dissertations, and Student Research: Department of Psychology. 2018. 108 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/326799874_A_Multifactorial_Model_of_Threat_Assessment_Activity_Applied_to_Educational_Settings (дата обращения: 10.10.2025).

³ School Safety and Crisis. Behavioral Threat Assessment and Management (BTAM): Best Practice Considerations for K-12 Schools // National Center for School Safety: [website]. URL: <https://www.nc2s.org/resource/behavioral-threat-assessment-and-management-btam-best-practice-considerations-for-k-12-schools/> (дата обращения: 19.11.2025).

является фиксация маркеров явного риска нападения. Различаются лишь способы сбора данных о маркерах явного риска: через сверстников, через педагогов, через мониторинг цифровых профилей. Также предлагаются разнообразные варианты донесения тревожной информации компетентным органам (сообщения во внутришкольные профилактические структуры, в правоохранительные органы, по телефонам доверия).

Заметим, что на данном уровне профилактики роль образовательных организаций важная, но не доминирующая, т. к. обязательно привлечение узкопрофильных специалистов (в зависимости от ситуации это могут быть неврологи, психиатры, клинические психологи, правоохранители, специалисты по медиабезопасности и др.). Поэтому важным является информирование общественности о способах передачи правоохранительным органам сведений о возможных нападениях лиц с маркерами явного риска.

Смысл третичной профилактики заключается в минимизации ущерба при совершении нападения. Этот уровень предполагает меры, связанные с подготовкой обучающихся и педагогов к конструктивному реагированию на атаку заведения, а также меры оптимизации системы безопасности образовательной организации и прилегающей территории. Считаю необходимым указать на наметившееся в последние годы расхождение в отечественных и зарубежных точках зрения на стратегии данного уровня профилактики. Западные ученые и практики уже стараются уйти от «тактики локдауна» (баррикадирование внутри класса, аудитории при нападении, сигнале тревоги, и ожидание спасения со стороны правоохранительных органов, спецслужб), считают более результативным принцип «беги, спасайся, активно обороняйся». Следовательно, заметны и изменения в требованиях к инфраструктуре образовательных организаций – важным видится большое количество эвакуационных выходов из заведения и размещение на пришкольной территории объектов (спортивного, эстетического и иного назначения), за которыми спасающиеся бегством могут укрыться в случае прицельной стрельбы агрессором «в спину» из окон школы. Отечественная же тактика, отражающаяся в тренировках обучающихся и педагогического состава, строится на принципе «заблокируйся в помещении и жди спасения профессионалами».

В нашей стране профилактическая практика характеризуется ожиданием синергетического эффекта от взаимодействия субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, что представляет собой сложный управленческий вызов. Межведомственное и внутриорганизационное сотрудничество педагогов регламентируется несколькими нормативно-правовыми актами федерального уровня⁴. Конкретизация их положений представлена в Методических рекомендациях о типовых формах и порядке взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних⁵. Значимыми для организации профилактической работы являются Рекомендации об организации межведомственного взаимодействия и обмена информацией между образовательными организациями и органами внутренних дел о несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, а также о выявленных несовершеннолетних «группы риска»⁶. Положения этого документа рекомендуют образовательным организациям совместное с органами внутренних дел планирование профилактической деятельности и проведение превентивных мероприятий, а также обмен информацией о несовершеннолетних с девиантным поведением. Совместная профилактическая деятельность должна осуществляться в рамках программ и планов воспитания образовательной организации. Нормативный акт характеризует рекомендуемую совместную профилактическую деятельность и направления профилактической деятельности отдельных специалистов в три периода (период подготовки к учебному году; период текущего учебного года; каникулярный период).

⁴ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1999. № 26. Ст. 3177 ; О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031 ; О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146 ; О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3696 и др.

⁵ О предоставлении информации : письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 12 ноября 2021 г. № 07-6757 // Администратор образования. 2021. № 23.

⁶ О межведомственном взаимодействии (вместе с «Рекомендациями об организации межведомственного взаимодействия и обмена информацией между образовательными организациями и органами внутренних дел о несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, а также о выявленных несовершеннолетних „группы риска“») : письмо Министерства просвещения Российской Федерации № 07-6607, МВД России № 12/5351, Министерства образования и науки Российской Федерации № МН-11/1548 от 2 ноября 2020 г. // Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт) : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshchenija-rossii-n-07-6607-mvd-rossii-n-125351/> (дата обращения: 19.11.2025).

В школах часто руководствуются Методическими рекомендациями «Профилактика конфликтов, проявлений экстремизма и терроризма в поликультурной образовательной среде»⁷ разработчик – Министерство просвещения Российской Федерации, 2022). Данные рекомендации описывают феноменологию конфликтов между субъектами образовательных отношений, характеризуют восстановительный подход в профилактике конфликтов и его ресурсы в предупреждении экстремизма среди несовершеннолетних; также предоставляется перечень маркеров возможной вовлеченности обучающегося в экстремистско-террористические организации; дополнительно излагается регламент Межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики.

На уровне регионов и муниципалитетов созданы антитеррористические комиссии, координационные центры и различные межведомственные рабочие группы, к компетенции которых относится профилактика нападений на образовательные организации и координация действий субъектов системы профилактики [57]. Каждой региональной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав разработан порядок межведомственного взаимодействия при возникновении ЧП с несовершеннолетними. Федеральные и региональные документы отражаются в регламентах муниципалитетов, а в каждой образовательной организации разрабатывается алгоритм действий педагогических работников (руководитель организации, социальный педагог, педагог-психолог, учителя-предметники) и тактика их взаимодействия⁸.

Меры образовательной организации оптимально систематизировать по уровням профилактики, что представлено в таблице 2.

Таблица 2

Деятельность образовательной организации по профилактике нападений

Table 2

Activities of educational institutions aimed at preventing attacks

Уровень профилактики	Профилактические меры
1. Первичная профилактика	<p>1.1. Раннее выявление факторов:</p> <p>1.1.1. Фиксация социально-средовых факторов в жизни обучающихся: социальная эксклюзия и недостаточные возможности получения поддержки от окружающих сверстников; семейное неблагополучие и недостаточные возможности получения поддержки от родных; ситуативная, но длительная социальная неуспешность (череда ситуаций – социальных неудач; резкое снижение высокого статуса среди сверстников; пребывание в остром конфликте; пребывание в трудной жизненной ситуации).</p> <p>1.1.2. Фиксация персональных (соматических и психологических) факторов: явные признаки неконструктивной (патологичной) самореализации; наличие соматических стигм; неврологические проблемы, психические заболевания и серьезные расстройства; субъективное ощущение одиночества; ощущение непреодолимой, безысходной несправедливости; низкая самооценка при высоких притязаниях либо накопление отрицательных эмоций из-за несогласованности притязаний и имеющихся ресурсов удовлетворения запросов; оправдывающие, «разрешающие» установки относительно насилия; искаженные представления о социальных нормах, их отвержение; низкий уровень эмоционально-волевого контроля над поведением, сформированный из-за ошибок воспитания; искаженное понимание мужественности, героичности; ранее случавшиеся приступы ярости, явно выраженное агрессивное поведение; низкий уровень асертивности и неразвитое критическое мышление</p> <p>1.2. Диагностика персональных ресурсов предотвращения гомицидной активности у обучающихся (оценка развитости «барьеров девиантности»): жизнестойкость</p>

⁷ Профилактика конфликтов, проявлений экстремизма и терроризма в поликультурной образовательной среде : методические рекомендации // Министерство просвещения Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/07e0b3f0e68fc9a572530cfa09b92e54/> (дата обращения: 19.11.2025).

⁸ См., например: Алгоритм действий педагогических и руководящих работников в случае обнаружения (выявления) сведений (утечек, признаков) о готовящемся вооруженном нападении // МБОУ «СОШ № 8» МО г. Братска : [сайт]. URL: https://sh8-bratsk-r138.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/33/44/skulshuting.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

Окончание таблицы 2

Уровень профилактики	Профилактические меры
	и осознанные установки на постоянное саморазвитие; высокий уровень критического мышления и асертивности; навыки обеспечения персональной медиабезопасности; теплые взаимоотношения и высокий уровень поддержки со стороны родных; конструктивные взаимоотношения и высокий уровень поддержки со стороны сверстников, друзей; просоциальные увлечения и высокий уровень вовлеченности в социально значимую деятельность, их успешность; конструктивные взаимоотношения и высокий уровень поддержки со стороны значимых взрослых (школьных педагогов, педагогов дополнительного образования, близких семьи и т. п.); устойчивые конструктивные ценностные ориентации, установки на соблюдение социальных норм и неприемлемость насилия.
	1.3. Социально-педагогическая поддержка, сопровождение обучающихся в трудной жизненной ситуации
	1.4. Реализация программ ранней психолого-педагогической профилактики девиантности
2. Вторичная профилактика	2.1. Выявление маркеров явного риска в реальном поведении и в цифровом портрете обучающегося: переживание острой обиды, ненависти, ярких отрицательных эмоций на фоне фрустрации; переход от низкой самооценки, депрессивных проявлений к чрезмерно завышенной самооценке, самовозвеличиванию, нарциссизму; сверхценность идеи отмездия, возмездия; увлечение гомицидными идеями и информацией; прямые анонсы нападения
	2.2. Социально-педагогическая поддержка, сопровождение обучающихся с маркерами явного риска
	2.3. Экстренное привлечение профильных специалистов к персональной работе с обучающимся, демонстрирующими маркеры явного риска
	2.4. Информирование родительской общественности о возможностях доведения сведений правоохранительным органам о возможных нападениях
3. Третичная профилактика	3.1. Подготовка обучающихся, педагогов и школьного персонала к конструктивным действиям в ситуации атаки на образовательную организацию
	3.2. Оптимизация системы безопасности образовательной организации (зданий, инфраструктуры, прилегающей территории)

Научные сведения о феномене, безусловно, будут полезны для всех видов профилактики, обозначенных Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг. Оставим для дальнейшей дискуссии ученым и практикам вопрос о правомерности и целесообразности отождествления нападения на образовательную организацию с терактом. Отметим лишь, что документ в полной мере ориентирован и на предупреждение скулшутинга. Так, общая профилактика должна быть представлена усилиями по развитию у обучающихся «барьеров девиантности»: просоциальные ценностные ориентации, жизнестойкость, критическое мышление и асертивность, навыки обеспечения цифровой безопасности. Адресная профилактика должна быть нацелена на выявление обучающихся, склонных к вовлечению или вовлеченных в субкультуры, сообщества с человеконенавистнической идеологией и гомицидными установками. В качестве индивидуальной профилактики выступает экстренная персональная работа с обучающимся, демонстрирующим маркеры явного риска.

3 Заключение

Проведенный систематический обзор позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Научные сведения о факторах, маркерах риска нападения и о динамике психологического состояния агрессора должны выступать основаниями организации профилактики нападений на образовательные организации.

2. Профилактику нападений обучающихся на образовательные учреждения можно дифференцировать по уровням (первичная, вторичная, третичная) и видам (общая, адресная, индивидуальная).

3. При планировании профилактических мер следует учитывать «медиаконтагиозность» нападений на образовательные организации. Это подталкивает к подготовке рекомендаций по корректному освещению в медиaprостранстве скандалов-тематики (и, соответственно, изготовлению различной медиапродукции). Возможна опора на Рекомендации по распространению в средствах массовой информации информации о случаях самоубийства (разработаны Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова и др. (2016 г.)). При этом важно учитывать этические-правовые аспекты мониторинга цифровых профилей обучающихся (четкие принципы мониторинга и обоснованный перечень маркеров риска в цифровом профиле; соблюдение границ приватности и требований к защите персональных данных; предотвращение манипуляций и шантажа).

4. Необходимы дальнейшие исследования сходства и различия феноменов гомицидных атак ярости и суицидального поведения (особенно аффективного суицида и суицида с аутопунитической мотивацией).

5. Востребован диагностический инструментарий (по выявлению обучающихся с риском совершения нападения), пригодный для использования в образовательной организации. Инструментарий должен быть научно выверенным, удобным и понятным для педагогов, не обременителен по времени заполнения (фиксации) данных и обработки. Наибольшим потенциалом, по нашему глубокому убеждению, обладают компактные карты наблюдения для классных руководителей с кратким перечнем факторов, маркеров явного риска и индивидуальных «барьеров девиантности» у обучающихся. К сожалению, психологическое тестирование не демонстрирует желаемой результативности в связи с объемом предлагаемых тестовых материалов, с низким уровнем достоверности из-за социально-желательных ответов обучающихся, с частым отказом обучающегося и его семьи от психодиагностики.

6. Востребованы разработки, связанные с выявлением маркеров раннего риска и явного риска нападений в цифровых профилях (в цифровых портретах) обучающихся. Из-за чрезвычайного объема такой работы перспективным видится привлечение к ней студентов педагогических и психолого-педагогических направлений (специальностей), например, в рамках педагогической практики или курсовых проектов.

Список источников

1. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–76. <https://doi.org/10.11621/nprj.2018.0406>
2. Артамонова Е. А., Третьяк М. И. Массовое вооруженное убийство в учебных организациях: возможности противодействия уголовно-правовыми средствами // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 2. С. 229–239. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).229-239](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).229-239)
3. Суходольская Ю. В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования // Вестник науки и образования. 2019. № 6-1 (60). С. 51–53.
4. Голенков А. В., Зотов П. Б., Козлов В. А., Филоненко А. В. Массовые убийства с использованием огнестрельного оружия в современной России // Суицидология. 2023. Т. 14, № 3 (52). С. 107–118. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03\(52\)-107-118](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03(52)-107-118)
5. Лукьянов Н. Е., Изгарская А. А. Противодействие террористическим актам и скандалу в образовательных организациях США и РФ: сравнительный анализ содержания учебных и справочных изданий // Философия образования. 2024. Т. 24, № 4. С. 39–59. <https://doi.org/10.15372/phe20240403>
6. Волчецкая Т. С., Авакьян М. В., Осипова Е. В. Криминологическая характеристика и профилактика скандалов и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 578–591. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(5\).578-591](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591)
7. Злоказов К. В. Вооруженные нападения несовершеннолетних на образовательные организации в США: социально-психологические факторы риска // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 1. С. 90–102. [https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17\(1\).90-102](https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17(1).90-102)
8. Сыроквашина К. В. Нападения в школах: агрессивные и аутоагрессивные действия несовершеннолетних // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8, № 3. С. 37–44. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080304>
9. Михайлова Е. В. Криминологическая характеристика вооруженных нападений в образовательных учреждениях Российской Федерации (schoolshooting) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 1 (80). С. 20–25. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-11004>
10. Дозорцева Е. Г., Ошевский Д. С., Сыроквашина К. В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 97–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100208>
11. Книжничкова С. В. Амок: актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 1. С. 152–168. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100109>
12. Клейберг Ю. А. Девиантная психология амока: феноменология, актуализация, профилактика // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 3. С. 77–83.
13. Lankford A., Tomek S. Mass Killings in the United States from 2006 to 2013: Social Contagion or Random Clusters? // Suicide and Life-threatening Behavior. 2018. № 48. P. 459–467. <https://doi.org/10.1111/sltb.12366>

14. Levin J., Madfis E. Mass murder at school and cumulative strain: A sequential model // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52, no. 9. P. 1227–1245. [10.1177/0002764209332543](https://doi.org/10.1177/0002764209332543)
15. Agnich L. E. A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-based Mass Murder Attacks // *American Journal of Criminal Justice*. 2015. Vol. 40, no. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.1007/s12103-014-9239-5>
16. Ruddock A. School Shootings and Cultivation Analysis: On Confrontational Media Rhetoric and the History of Research on the Politics of Media Violence // *School Shootings: Mediatized Violence in a Global Age*. Bingley : Emerald Group Publishing Limited, 2012. P. 3–24. [https://doi.org/10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007005](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007005)
17. Newman K. S. [at al.]. Rampage: The Social Roots of School Shootings // *American Journal of Education*. 2005. Vol. 111, № 3. P. 425–430. <https://doi.org/10.1086/428888>
18. Rocque M. Exploring School Rampage Shootings: Research, Theory, and Policy // *The Social Science Journal*. 2012. Vol. 49, is. 3. P. 304–313. <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2011.11.001>
19. Kellner D. *Guys and Guns Amok: Domestic Terrorism and School Shootings from the Oklahoma City Bombing to the Virginia Tech Massacre*. Boulder, CO : Paradigm Publishers, 2008. 221 p.
20. Scheithauer H., Bondü R. Amoklauf und School Shooting. Güttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 121 p.
21. Орлов В. В. О терминологическом наполнении понятий «колумбайн», «скулшутинг» и «вооруженные нападения на учебные учреждения» // *Теория и практика социогуманитарных наук*. 2022. № 2 (18). С. 21–27.
22. Орлов В. В. Зависимость случаев массовых расстрелов (массшутинга) от фаз лунного цикла // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2023. Т. 28, № 3 (94). С. 279–291. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-394-279-291>
23. Жмуров Д. В., Тихомиров С. Н. Геофизические факторы как детерминанты преступности // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15, № 1. С. 27–35. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).27-35](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).27-35)
24. Аврамцев В. В., Коннов И. А. Колумбайн, Скулшутинг и другие деструктивные течения (движения), как организационное оружие Запада // *Вестник Нижегородского института управления*. 2023. № 2 (68). С. 37–47.
25. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // *Власть*. 2021. Т. 29, № 1. С. 93–108. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920>
26. Нецифровые и цифровые маркеры риска вооруженного нападения на учебные заведения / Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Огнев А. С. [и др.] // *Человеческий капитал*. 2021. № 11 (155). С. 88–99. <https://doi.org/10.25629/НС.2021.11.09>
27. Максимова Н. Г. Базы данных как эффективный инструмент анализа и предупреждения инцидентов скулшутинга // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28, № 4. С. 44–55. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.4>
28. Голенков А. В., Зотов П. Б., Козлов В. А., Филоненко А. В. Массовые убийства с использованием огнестрельного оружия в современной России // *Суицидология*. 2023. Т. 14, № 3 (52). С. 107–118. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03\(52\)-107-118](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03(52)-107-118)
29. Розанов В. А. Агрессия и аутоагрессия (суицид) – анализ с позиций нейробиологии // *Суицидология*. 2022. Т. 13, № 3 (48). С. 3–38. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-3-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-3-38)
30. Карауш И. С., Бадмаева В. Д., Чибисова И. А. Суицидальное поведение несовершеннолетних, планировавших или совершивших нападение на образовательные учреждения // *Суицидология*. 2024. Т. 15, № 2 (55). С. 113–130. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-02\(55\)-113-130](https://doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-02(55)-113-130)
31. Узлов Н. Д., Семенова М. Н. Скулшутинг: убийство и постгомицидное самоубийство как трансгрессивный акт // *Суицидология*. 2021. Т. 12, № 4 (45). С. 16–30. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04\(45\)-16-30](https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04(45)-16-30)
32. Голенков А. В., Зотов П. Б. Анализ самоубийств агрессоров после массовых самоубийств // *Суицидология*. 2022. Т. 13, № 3 (48). С. 39–57. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-39-57](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-39-57)
33. Lankford A. A comparative analysis of suicide terrorists and rampage, workplace, and school shooters in the United States from 1990 to 2010 // *Homicide Studies*. 2012. Vol. 17, № 3. P. 255–274. <https://doi.org/10.1177/1088767912462033>
34. Adhia A., DeCou C. R., Huppert T., Ayyagari R. Murder-suicides perpetrated by adolescents: findings from the national violent death reporting system // *Suicide Life Threat Behav*. 2020, Vol. 50, no. 2. P. 534–544. <https://doi.org/10.1111/sltb.12607>
35. Каплан Г., Сэдок Б. *Клиническая психиатрия : в 2 т. / пер. с англ. В. Б. Стрелец*. Москва : Медицина, 1994. Т. 1. 672 с.
36. Баева Л. В. Медиатизация скулшутинга («колумбайн») в фан-литературе // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. Т. 6, № 2. С. 177–204. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.419>
37. Шувалов Л. А. Влияние средств массовой информации на популяризацию феномена скулшутинга // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2022. № 1 (72). С. 149–154. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.1.149>
38. Ткач С., Жарикова А. В. Медийный нарратив скулшутинга в России // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. Т. 6, № 3. С. 268–289. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i3.536>
39. Muschert G. W., Sumiala J. School Shootings as Mediatized Violence // Böckler N. [et al.] (eds.). *School Shootings : International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention*. New York, NY : Springer, 2012. p. 265–281. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5526-4_12
40. Towers S. [et al.]. Contagion in Mass Killings and School Shootings // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10, no. 7. P. e0117259. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0117259>
41. Meindl J. N., Ivy J. W. Mass shootings: The role of the media in promoting generalized imitation // *American Journal of Public Health*. 2017. Vol. 107, no. 3. P. 368–370. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2016.303611>
42. Lee K. Mass Shootings and Media Contagion Theory: Social Media's Influence on Frequency of Incidents // *Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. 2018. Vol. 9, no. 2. P. 27–35. URL: <https://www.elon.edu/u/academics/communications/journal/wp-content/uploads/sites/153/2018/12/03-Lee.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).
43. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Механизм деятельности сторонников деструктивных интернет-сообществ и портрет их типичного участника (на примере «групп смерти» и движения «Колумбайн») // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2021. № 3. С. 229–234.
44. Шувалов Л. А. Нарушение этических стандартов в процессе освещения журналистами событий скулшутинга // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2023. № 3 (78). С. 262–268. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2023.3.262>
45. Карасев П. К., Судьин С. А. Профилактика скулшутинга как управленческая задача: кейс Нижегородской области // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2023. № 1 (69). С. 88–93. https://doi.org/10.52452/18115942_2023_1_88

46. Буров Ю. Б. Массовое убийство в образовательных организациях: феномен, механизмы, причины, профилактика // *Инновационное развитие профессионального образования*. 2025. № 1 (45). С. 122–133.
47. Малюшина Ю. А., Шатилович С. Н., Федорова О. Б. Изучение психологического механизма насильственных преступлений как один из аспектов профилактики скулшутинга // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Психологические науки. 2021. № 3. С. 86–97. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-86-97>
48. Муцалов Ш. Ш., Дадаев Х. М. Массовые убийства в образовательных учреждениях Российской Федерации как объект уголовно-правовой охраны и направления предотвращения // *Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова*. 2024. № 1 (53). С. 132–139. <https://doi.org/10.36684/chesu-2024-53-1-132-139>
49. Овечкин Е. В., Селезнева Е. В. Психолого-педагогическая работа по предостережению от нападений на школы учащимися // *Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета*. 2024. № 1. С. 84–89. URL: <https://vestnikggtu.ru/archives/3465> (дата обращения: 10.10.2025).
50. Белодед Д. Р., Енгальчев В. Ф., Корзунин В. А., Духновский С. В. Психологическая модель выявления потенциальных скулшутеров в цифровой образовательной среде // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2023. Т. 28, № 1 (92). С. 34–40. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-34-40>
51. Borum R., Bartel P., Forth A. Manual for the Structured Assessment for Violence Risk in Youth (SAVRY). Odessa, FL : Psychological Assessment Resources, 2006.
52. Ortega-Campos E., Garcia-Garcia J., De la Fuente-Sánchez L., Zaldivar-Basurto F. Assessing the Interactions between Strengths and Risk Factors of Recidivism through the Structured Assessment of Violence Risk in Youth (SAVRY) // *International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH)*. 2020. Vol. 17, № 6. P. 2112. <https://doi.org/10.3390/ijerph17062112>
53. Soderstrom M. F. P., Childs K. K., Frick P. J. The Role of Protective Factors in the Predictive Accuracy of the Structured Assessment of Violence Risk in Youth (SAVRY) // *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2020. Vol. 18, № 1. P. 78–95. <https://doi.org/10.1177/1541204019837329>
54. Dewey C., Korrie A. Development, Evaluation, and Future Directions of the Virginia Student Threat Assessment Guidelines // *Journal of School Violence*. 2011. Vol. 10, № 1. P. 88–106. <https://doi.org/10.1080/15388220.2010.519432>
55. O'Toole M. The School Shooter: a Threat Assessment Perspective. Quantico : National Center for the Analysis of Violent Crime, 2000. 52 p.
56. Fiedler N., Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Student Crisis Prevention in Schools: The NETWorks Against School Shootings Program (NETWASS) – An Approach Suitable for the Prevention of Violent Extremism? // *International Journal of Developmental Science*. 2019. Vol. 13, № 3–4. P. 109–122. <https://doi.org/10.3233/DEV-190283>
57. Андрущак П. А. Опыт Антитеррористической комиссии Московской области в сфере профилактики актов скулшутинга на объектах образования // *Обзор. НЦПТИ*. 2022. № 3 (30). С. 57–61.

References

- Davydov D. G., Hlomov K. D. Massovye ubijstva v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah: mekhanizmy, prichiny, profilaktika // *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. 2018. № 4 (32). С. 62–76. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0406>
- Artamonova E. A., Tret'yak M. I. Massovoe vooruzhennoe ubijstvo v uchebnyh organizaciyah: vozmozhnosti protivodejstviya ugovolno-pravovymi sredstvami // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2022. Т. 16, № 2. С. 229–239. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).229-239](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).229-239)
- Suhodol'skaya Yu. V. Massovoe ubijstvo v obrazovatel'nyh organizaciyah kak ob"ekt kriminologicheskogo issledovaniya // *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2019. № 6-1 (60). С. 51–53.
- Golenkov A. V., Zotov P. B., Kozlov V. A., Filonenko A. V. Massovye ubijstva s ispol'zovaniem ognestrel'nogo oruzhiya v sovremennoj Rossii // *Suicidologiya*. 2023. Т. 14, № 3 (52). С. 107–118. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03\(52\)-107-118](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03(52)-107-118)
- Luk'yanov N. E., Izgarskaya A. A. Protivodejstvie terroristicheskim aktam i skulshutingu v obrazovatel'nyh organizaciyah SShA i RF: sravnitel'nyj analiz soderzhaniya uchebnyh i spravocnyh izdanij // *Filosofiya obrazovaniya*. 2024. Т. 24, № 4. С. 39–59. <https://doi.org/10.15372/phe20240403>
- Volcheckaya T. S., Avak'yan M. V., Osipova E. V. Kriminologicheskaya harakteristika i profilaktika skulshutinga i kiberbullinga v Rossii i zarubezhnyh stranah // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2021. Т. 15, № 5. С. 578–591. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(5\).578-591](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591)
- Zlokazov K. V. Vooruzhennyye napadeniya nesovershennoletnih na obrazovatel'nye organizacii v SShA: social'no-psihologicheskie faktory riska // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2023. Т. 17, № 1. С. 90–102. [https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17\(1\).90-102](https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17(1).90-102)
- Syrokvashina K. V. Napadeniya v shkolah: agressivnyye i autoagressivnyye dejstviya nesovershennoletnih // *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*. 2019. Т. 8, № 3. С. 37–44. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080304>
- Mihajlova E. V. Kriminologicheskaya harakteristika vooruzhennyh napadenij v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah Rossijskoj Federacii (schoolshooting) // *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii*. 2021. № 1 (80). С. 20–25. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-11004>
- Dozorceva E. G., Oshevskij D. S., Syrokvashina K. V. Psihologicheskie, social'nye i informacionnye aspekty napadenij nesovershennoletnih na uchebnye zavedeniya // *Psihologiya i pravo*. 2020. Т. 10, № 2. С. 97–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100208>
- Knizhnikova S. V. Amok: aktual'nost' izucheniya napadenij v shkolah, prichiny, vozmozhnosti pervichnoj profilaktiki // *Social'naya psihologiya i obschestvo*. 2019. Т. 10, № 1. С. 152–168. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100109>
- Klejberg Yu. A. Deviantologiya amoka: fenomenologiya, aktualizaciya, profilaktika // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Pedagogika i psihologiya. 2019. № 3. С. 77–83.
- Lankford A., Tomek S. Mass Killings in the United States from 2006 to 2013: Social Contagion or Random Clusters? // *Suicide and Life-threatening Behavior*. 2018. No. 48. P. 459–467. <https://doi.org/10.1111/sltb.12366>
- Levin J., Madfis E. Mass murder at school and cumulative strain: A sequential model // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52, no. 9. P. 1227–1245. [10.1177/0002764209332543](https://doi.org/10.1177/0002764209332543)
- Agnich L. E. A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-based Mass Murder Attacks // *American Journal of Criminal Justice*. 2015. Vol. 40, no. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.1007/s12103-014-9239-5>
- Ruddock A. School Shootings and Cultivation Analysis: On Confrontational Media Rhetoric and the History of Research on the Politics of Media Violence // *School Shootings: Mediatized Violence in a Global Age*. Bingley : Emerald Group Publishing Limited, 2012. P. 3–24. [https://doi.org/10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007005](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007005)

17. Newman K. S. [at al.]. Rampage: The Social Roots of School Shootings // American Journal of Education. 2005. Vol. 111, № 3. P. 425–430. <https://doi.org/10.1086/428888>
18. Rocque M. Exploring School Rampage Shootings: Research, Theory, and Policy // The Social Science Journal. 2012. Vol. 49, is. 3. P. 304–313. <https://doi.org/10.1016/j.sosci.2011.11.001>
19. Kellner D. Guys and Guns Amok: Domestic Terrorism and School Shootings from the Oklahoma City Bombing to the Virginia Tech Massacre. Boulder, CO : Paradigm Publishers, 2008. 221 p.
20. Scheithauer H., Bondü R. Amoklauf und School Shooting. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 121 p.
21. Orlov V. V. O terminologicheskom napolnenii ponyatij «kolumbajn», «skulshuting» i «vooruzhennye napadeniya na uchebnye uchrezhdeniya» // Teoriya i praktika sociogumanitarnykh nauk. 2022. № 2 (18). S. 21–27.
22. Orlov V. V. Zavisimost' sluchaev massovykh rasstrelov (massshutinga) ot faz lunnogo cikla // Psihopedagogika v pravoohranitel'nykh organakh. 2023. T. 28, № 3 (94). S. 279–291. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-394-279-291>
23. Zhmurov D. V., Tihomirov S. N. Geofizicheskie faktory kak determinanty prestupnosti // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2021. T. 15, № 1. S. 27–35. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).27-35](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).27-35)
24. Avramcev V. V., Konnov I. A. Kolumbajn, Skulshuting i drugie destruktivnye techeniya (dvizheniya), kak organizacionnoe oruzhie Zapada // Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya. 2023. № 2 (68). S. 37–47.
25. Karpova A. Yu., Maksimova N. G. Skulshuting v Rossii: chto imeet znachenie? // Vlast'. 2021. T. 29, № 1. S. 93–108. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920>
26. Necifrovye i cifrovye markery riska vooruzhennogo napadeniya na uchebnye zavedeniya / Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Ognev A. S. [i dr.] // CHelovecheskij kapital. 2021. № 11 (155). S. 88–99. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.11.09>
27. Maksimova N. G. Bazy dannykh kak effektivnyj instrument analiza i preduprezhdeniya incidentov skulshutinga // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2022. T. 28, № 4. S. 44–55. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.4>
28. Golenkov A. V., Zotov P. B., Kozlov V. A., Filonenko A. V. Massovye ubijstva s ispol'zovaniem ognestrel'nogo oruzhiya v sovremennoj Rossii // Suicidologiya. 2023. T. 14, № 3 (52). S. 107–118. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03\(52\)-107-118](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03(52)-107-118)
29. Rozanov V. A. Agressiya i autoagressiya (suicid) – analiz s pozicij nejrobiologii // Suicidologiya. 2022. T. 13, № 3 (48). S. 3–38. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-3-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-3-38)
30. Karaush I. S., Badmaeva V. D., CHibisova I. A. Suicidal'noe povedenie nesovershennoletnih, planirovavshih ili sovershivshih napadenie na obrazovatel'nye uchrezhdeniya // Suicidologiya. 2024; T. 15, № 2 (55). S. 113–130. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-02\(55\)-113-130](https://doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-02(55)-113-130)
31. Uzlov N. D., Semenova M. N. Skulshuting: ubijstvo i postgomicidnoe samoubijstvo kak transgressivnyj akt // Suicidologiya. 2021. T. 12, № 4 (45). S. 16–30. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04\(45\)-16-30](https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04(45)-16-30)
32. Golenkov A. V., Zotov P. B. Analiz samoubijstv agressorov posle massovykh samoubijstv // Suicidologiya. 2022. T. 13, № 3 (48). S. 39–57. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-39-57](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-39-57)
33. Lankford A. A comparative analysis of suicide terrorists and rampage, workplace, and school shooters in the United States from 1990 to 2010 // Homicide Studies. 2012. Vol. 17, № 3. P. 255–274. <https://doi.org/10.1177/1088767912462033>
34. Adhia A., DeCou C. R., Huppert T., Ayyagari R. Murder-suicides perpetrated by adolescents: findings from the national violent death reporting system // Suicide Life Threat Behav. 2020, Vol. 50, no. 2. P. 534–544. <https://doi.org/10.1111/sltb.12607>
35. Kaplan G., Sedok B. Klinicheskaya psichiatriya : v 2 t. / per. s angl. V. B. Strelec. Moskva : Medicina, 1994. T. 1. 672 s.
36. Baeva L. V. Mediatizaciya skulshutinga («kolumbajn») v fan-literature // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. T. 6, № 2. S. 177–204. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.419>
37. Shuvalov L. A. Vliyanie sredstv massovoj informacii na populyarizaciyu fenomena skulshutinga // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2022. № 1 (72). S. 149–154. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.1.149>
38. Trach S., Zharikova A. V. Medijnyj narrativ skulshutinga v Rossii // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. T. 6, № 3. S. 268–289. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i3.536>
39. Muschert G. W., Sumiala J. School Shootings as Mediatized Violence // Böckler N. [et al.] (eds.). School Shootings : International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention. New York, NY : Springer, 2012. p. 265–281. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5526-4_12
40. Towers S. [et al.]. Contagion in Mass Killings and School Shootings // PLoS ONE. 2015. Vol. 10, no. 7. P. e0117259. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0117259>
41. Meindl J. N., Iuy J. W. Mass shootings: The role of the media in promoting generalized imitation // American Journal of Public Health. 2017. Vol. 107, no. 3. P. 368–370. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2016.303611>
42. Lee K. Mass Shootings and Media Contagion Theory: Social Media's Influence on Frequency of Incidents // Elon Journal of Undergraduate Research in Communications. 2018. Vol. 9, no. 2. P. 27–35. URL: <https://www.elon.edu/u/academics/communications/journal/wp-content/uploads/sites/153/2018/12/03-Lee.pdf> (data obrashcheniya: 10.10.2025).
43. Puchnina M. Yu., Puchnin A. V. Mekhanizm deyat'nosti storonnikov destruktivnykh internet-soobshchestv i portret ih tipichnogo uchastnika (na primere «grupp smerti» i dvizheniya «Kolumbajn») // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3. S. 229–234.
44. Shuvalov L. A. Narushenie eticheskikh standartov v processe osveshcheniya zhurnalistami sobytij skulshutinga // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2023. № 3 (78). S. 262–268. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2023.3.262>
45. Karasev P. K., Sud'in S. A. Profilaktika skulshutinga kak upravlencheskaya zadacha: kejs Nizhegorodskoj oblasti // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. 2023. № 1 (69). S. 88–93. https://doi.org/10.52452/18115942_2023_1_88
46. Burov Yu. B. Massovoe ubijstvo v obrazovatel'nykh organizacijah: fenomen, mekhanizmy, prichiny, profilaktika // Innovacionnoe razvitiye professional'nogo obrazovaniya. 2025. № 1 (45). S. 122–133.
47. Malyushina Yu. A., SHatilovich S. N., Fedorova O. B. Izuchenie psihologicheskogo mekhanizma nasil'stvennykh prestuplenij kak odin iz aspektov profilaktiki skulshutinga // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki. 2021. № 3. S. 86–97. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-86-97>
48. Mucalov Sh. Sh., Dadaev H. M. Massovye ubijstva v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyah Rossijskoj Federacii kak ob'ekt ugovolno-pravovoj ohrany i napravleniya predotvrashcheniya // Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Kadyrova. 2024. № 1 (53). S. 132–139. <https://doi.org/10.36684/chesu-2024-53-1-132-139>
49. Ovechkin E. V., Selezneva E. V. Psihologo-pedagogicheskaya rabota po predosterezheniyu ot napadenij na shkoly uchashchimisya // Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tehnologicheskogo universiteta. 2024. № 1. S. 84–89. URL: <https://vestnikggtu.ru/archives/3465> (data obrashcheniya: 10.10.2025).

50. Beloded D. R., Engalychev V. F., Korzunin V. A., Duhnovskij S. V. Psihologicheskaya model' vyvavleniya potencial'nyh skulshuterov v cifrovoj obrazovatel'noj srede // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2023. T. 28, № 1 (92). S. 34–40. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-34-40>

51. Borum R., Bartel P., Forth A. Manual for the Structured Assessment for Violence Risk in Youth (SAVRY). Odessa, FL : Psychological Assessment Resources, 2006.

52. Ortega-Campos E., Garcia-Garcia J., De la Fuente-Sánchez L., Zaldivar-Basurto F. Assessing the Interactions between Strengths and Risk Factors of Recidivism through the Structured Assessment of Violence Risk in Youth (SAVRY) // International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH). 2020. Vol. 17, № 6. P. 2112. <https://doi.org/10.3390/ijerph17062112>

53. Soderstrom M. F. P., Childs K. K., Frick P. J. The Role of Protective Factors in the Predictive Accuracy of the Structured Assessment of Violence Risk in Youth (SAVRY) // Youth Violence and Juvenile Justice. 2020. Vol. 18, № 1. P. 78–95. <https://doi.org/10.1177/1541204019837329>

54. Dewey C., Korrie A. Development, Evaluation, and Future Directions of the Virginia Student Threat Assessment Guidelines // Journal of School Violence. 2011. Vol. 10, № 1. P. 88–106. <https://doi.org/10.1080/15388220.2010.519432>

55. O'Toole M. The School Shooter: a Threat Assessment Perspective. Quantico : National Center for the Analysis of Violent Crime, 2000. 52 p.

56. Fiedler N., Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Student Crisis Prevention in Schools: The NETWorks Against School Shootings Program (NETWASS) – An Approach Suitable for the Prevention of Violent Extremism? // International Journal of Developmental Science. 2019. Vol. 13, № 3–4. P. 109–122. <https://doi.org/10.3233/DEV-190283>

57. Andrushchak P. A. Opyt Antiterroristicheskoy komissii Moskovskoj oblasti v sfere profilaktiki aktov skulshutinga na ob"ektah obrazovaniya // Obzor. NCPTI. 2022. № 3 (30). S. 57–61.